

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.07

В ЛОВУШКЕ ГИБРИДНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В УКРАИНЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 2014 года

Ю.В. Мациевский

МАЦИЕВСКИЙ Юрий Владимирович, доктор политических наук, доцент кафедры политологии Национального университета “Острожская академия”, Острог, Украина. Для связи с автором: yurii.matsiievskyi@oa.edu.ua

Мациевский Ю.В. В ловушке гибридности: политический режим в Украине после революции 2014 года. — Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 96–115. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.07>

Заключительная часть работы над текстом статьи была проведена в Александровском институте Хельсинского университета в ноябре–декабре 2017 г. Автор выражает признательность руководству и сотрудникам института за предоставленную возможность.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2017. Принята к печати: 25.10.2017

Аннотация. Автор статьи формулирует принципиальные вопросы о политических последствиях событий начала 2014 г. в Украине: изменился ли ее политический режим после революционной смены власти в 2014 г. и каковы эффекты революции на стабильность/изменение украинского гибридного режима. Авторский ответ на первый вопрос — отрицательный. Для смены режима необходима глубокая смена элит и способность новых элит продвинуть и поддерживать новые правила игры. Анализ изменений формальных и неформальных институтов, а также состава элит показывает, что, несмотря на большее, чем в посторанжевый период количественное обновление элит, качественного обновления не произошло. Действующие механизмы циркуляции элит (ротация или квазизамещение) способствуют репродукции людей и практик. В частности, базовый принцип взаимодействия элит, определяемый клиентелизмом, nepotизмом и неформальными соглашениями, остается прежним. Отсутствие качественного обновления элит и сохранение старого «операционного кода» взаимодействия между ними — два фактора, свидетельствующие о сохранении институционального ядра режима после смены власти. Неэффективное, но устойчивое институциональное равновесие украинского гибридного режима, сложившееся еще в середине 1990-х, — институциональная ловушка, сохраняющаяся и воспроизводящаяся даже в условиях революции и войны. Как внутренние (экономический упадок и угроза протестов), так и внешние (война на востоке страны) угрозы оказались недостаточными для изменения рентоориентированного поведения элит. Следовательно, гибридизация, а не демократизация или авторитаризация, остается определяющим трендом постреволюционных изменений в Украине.

Ключевые слова: Украина; революция; политический режим; смена режима; смена элит; неформальные институты; институциональная ловушка; клиентелизм.

Четыре года, прошедшие с момента революционной смены власти в Украине, — достаточный срок, чтобы задаться вопросом: изменился ли в стране политический режим? Этот естественно возникающий на основе эмпирического анализа вопрос можно включить в более широкий, теоретический контекст, а именно: каковы последствия революции в политических системах с гибридным режимом? В самом деле, если революция¹ может вести

¹ Понятие *революция* здесь употребляется в широком смысле как смена власти, вызванная массовой мобилизацией. Электоральная и политическая революции подпадают под это определение.

к смене режима, то почему эта смена случается в одних государствах и не происходит в других? Несмотря на растущий объем исследований по стабильности и изменениям гибридных режимов [Lust-Okar 2004; Gandhi, Przeworski 2007; Levitsky, Way 2010; Hale 2014; Andersen et al. 2014; Miller 2015], вопрос о последствиях революций в гибридных режимах еще предстоит изучить систематически [Weyland 2010; Hale 2013; Popular Contention... 2016: 156-179].

Если раньше считалось, что гибридные режимы внутренне нестабильны, то новые сравнительные исследования указывают на то, что они обладают значительной институциональной устойчивостью [Levitsky, Way, 2010, Hale 2014]. Демократический фасад способствует выживанию, а выборы — легитимации режима [Schedler 2013]. При этом происходит воспроизводство режима, а не его смена. С другой стороны, большая часть исследований, вызванных событиями Евромайдана, сосредоточена на вопросах безопасности и геополитических последствиях “украинского кризиса” [Wilson 2014; Sakwa 2016; Menon, Rumer 2015]. Значительно меньше внимания уделяется внутренней политической динамике в Украине после смены власти (в числе исключений см. [Kuzio 2015; Beyond the Euromaidan... 2016; Revolution and War... 2017]).

Данная статья развивает эти сюжеты в двух направлениях. Эмпирически она направлена на изучение изменений в ключевых составляющих режима (элитах и институтах), а теоретически — вводит украинский случай в более широкий контекст дискуссии о факторах стабильности гибридных режимов. Украина являет собою яркий пример гибридного режима, где соревновательные выборы систематически подрываются клиентелизмом, коррупцией и неформальными соглашениями между элитами [Гельман 2015; D’Anieri 2007; Kuzio 2015; Beyond the Euromaidan... 2016].

Таким образом, задача исследования состоит в том, чтобы: во-первых, определить вектор изменений режима Украины после революционной смены власти в 2014 г. и, во-вторых, пересмотреть связь между революцией и сменой режима (или его непрерывностью) в гибридных политических системах.

Революции и войны, помимо выборов, признаны основными предпосылками смены режима в традиционных и модернизирующихся обществах [Huntington 1968; Mesquita 2010; Hale, 2013; Møller 2017]. Но как революция влияет на шансы гибридного режима измениться в одну или другую сторону? События последних десяти лет, и в особенности “Арабская весна”, свидетельствуют о том, что революция не всегда ведет к смене режима и демократизации. Но почему, например, электоральные революции в Сербии (2000 г.) или Грузии (2003 г.) привели к изменению базовых правил политической игры, в то время как в Украине ни электоральная революция 2004 г., ни политическая революция 2014 г. пока не дали аналогичных результатов? Если мы согласимся, что в Украине произошла политическая революция, мы должны ожидать смену режима. Если же режим пережил революцию, нам нужно объяснить этот случай или пересмотреть революционный характер событий 2014 г.

Опираясь на результаты анализа событий 2013-2014 гг. в Украине [Порова 2014; Diuk 2014; Onuch 2015; Мацієвський 2016], я утверждаю, что в Украине состоялась политическая революция², но институциональное ядро гибрид-

² В отличие от кризиса 2004 г. кризис 2014 г. не закончился компромиссом и перерос в революцию. Из одиннадцати выделенных аналитическим путем признаков революции в событиях 2004 г. таких оказались три. Это конфликт между элитами, массовая мобилизация и харизматический лидер. Тогда как в 2014 г. их

ного режима, сформировавшееся еще в конце 1990-х годов, в целом остается неизменным. Чтобы обосновать этот тезис, ниже предлагается теоретическая рамка, которая позволит эмпирически установить наличие изменений или их отсутствие, в элитах и институтах — ключевых составляющих режима.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Существующие теории (“система ограниченного доступа” [Норт, Вайнгаст, Уоллис 2011], “экстрактивные институты” [Acemoglu, Robinson 2013], “патронатный президентизм” [Hale 2014] или “неопатримониализм” [Фисун 2006; Гельман 2015]) предлагают достаточные теоретические обоснования для тезиса, изложенного выше. Однако эти объяснения направлены на широкие сравнения и обобщения. Для изучения украинского случая нам понадобится менее общий концепт, позволяющий объяснить, почему, например, Сербия, Грузия или Румыния смогли преодолеть большую часть своего институционального наследия, в то время как Украина все еще борется с ним.

Употребление понятия “институциональная ловушка” представляется здесь уместным. Институциональная ловушка — это совокупность неэффективных, но устойчивых институтов, в изменении которых не заинтересован никто из значимых политических игроков [Полтерович 2004]. Гибридный режим Украины можно рассматривать как системную институциональную ловушку, куда страна попала еще в середине 1990-х годов [Мацієвський 2016: 189-196]. Видимые изменения в ключевых составляющих режима (игроках и институтах) должны указывать на шансы выхода из ловушки, например, на возможности демократизации режима. Отсутствие таковых, наоборот, будет свидетельствовать о сохранении институционального ядра режима, т.е. удержании его в состоянии неэффективного равновесия. Именно это мы наблюдаем в Украине на протяжении последних двадцати лет. Это не значит, однако, что режим находится в застывшем состоянии. Изменения происходят, но в случае Украины это не колебания между демократией и авторитаризмом, как это обычно представлено в литературе [Колодій 1999, 2010; Levitsky, Way 2010; Рябчук 2012; Kuzio 2015; Way 2015]. На самом деле влияние неформальных институтов на формальные возрастает, что приводит к их “порче”, в частности к инволюции конституционализма [Мацієвський 2011] и ослаблению административного потенциала государства [Melville, Mironyuk 2016]. Этот процесс я называю гибридизацией режима, существенным признаком которого является преобладание неформальной политики в политическом процессе. Кроме того, гибридизация в Украине свидетельствует о способности неформальных институтов воспроизводить себя на протяжении более двух десятилетий.

Политическим режимом я буду называть совокупность формальных и неформальных правил (институтов), определяющих поведение (возможности и ограничения) политических игроков [Munck 1996; Skaaning 2006: 3-7]. Игроки (т.е. персоны), безусловно, имеют значение, но более важными являются принятые ими правила игры. Как показывают результаты “цветных революций”, сама смена одних элит другими не означает, что гибридные ре-

было уже семь: международное давление, экономический упадок, паралич государства, конфликт между элитами, массовая мобилизация, “множественный суверенитет” и насилие. Отсутствие таких признаков, как смена политического режима и изменение социальной структуры, свидетельствует, с одной стороны, о том, что политическая революция не переросла в социальную, но, с другой стороны, указывает на то, что революция еще не завершена. Более подробно об этом см. [Мацієвський 2016: 442-451].

жимы начинают двигаться к демократии. Тем не менее в Украине (и не только) бытует убеждение, что смена людей у власти путем выборов или революции должна способствовать демократизации. Проблема здесь в том, что режим часто ассоциируется с персонифицирующими его людьми: меняется правящая группа — меняется режим. По этой логике режим в Украине менялся минимум дважды (в 1991 г. и 2004 г.), а максимум четыре раза: в 1991, 2004, 2010 и 2014 гг. [см. напр. Кочубей 2016]. Игнорирование институциональной основы посткоммунистических режимов часто вело к поспешным выводам об их успешной демократизации. Как оказалось, наиболее типичным в период с 1945 по 1998 гг. был переход не от авторитаризма к демократии, а от авторитаризма к различным видам “полудемократий” [Reich 2002: 12].

В сущности, смена режима происходит тогда, когда: а) на политической сцене появляются новые игроки и б) они принимают новые правила игры [O'Donnell, Schmitter 1986: 6; Fishman 1990: 428–432.]. Режим едва ли сможет измениться без прихода новых людей во власть. Но всякий раз, когда происходит смена людей без изменения правил, нет оснований утверждать, что режим изменился. Признание игроками формальных правил может вести как к демократизации, так и к авторитаризму. А непризнание ими формальных правил, как и признание неформальных, влечет за собой гибридизацию режима [Skaaning 2006: 9–11].

Политический режим в независимой Украине никогда не был полностью авторитарным или полностью демократическим. После провозглашения независимости Украина стала на путь демократических преобразований, но сошла с него еще в середине 1990-х годов в период президентства Л. Кучмы [D'Aniery 2007: 75–100; Narasymiw 2002: 1–33; Kuzio 2015: 52–54]. С тех пор Конституция и принцип верховенства права систематически подрываются коррупцией, клиентелизмом и неформальными соглашениями между элитами [Hale 2016: 124–142; Kuzio 2016: 181–203]. Так в Украине образовалась неэффективная совокупность институтов, которая позволяет игрокам, сменяющим друг друга у власти, извлекать ренту, не прибегая к откровенному насилию. Эта совокупность институтов формирует гибридный режим (институционную ловушку), который никто из главных политических игроков не заинтересован менять [Мащевський 2016: 33–42]. Оранжевая революция, как и несколько регулярных политических циклов, приводила к смене людей во власти, но не меняла базовых правил политической игры.

Проследим, какие изменения произошли в формальных и неформальных институтах и в составе элит после революции 2014 г. Где возможно, я буду опираться на научные или аналитические работы. В других случаях, ввиду преобладания неформальной составляющей в украинской политике, едва ли не единственным источником остаются журналистские расследования.

ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ПОСЛЕ СМЕНЫ ВЛАСТИ

После раскола фракции Партии регионов в парламенте, произошедшего 20–21 февраля 2014 г., и последующего бегства Виктора Януковича из страны, в Верховной Раде сформировалось новое большинство. Это большинство приняло несколько постановлений, среди которых — постановление о возобновлении действия Конституции Украины в редакции 2004 г.³ Формально Украина

³ О возобновлении действия отдельных положений Конституции Украины: Закон Украины от 21.02.2014 г. — *Ведомости Верховной Рады Украины*. 2014. № 11. ст. 143. Доступ: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/742-18> (проверено 26.11.2017).

вернулась к премьер-президентской модели правления, а фактически — к модели конкурирующих клиентелистских пирамид [Hale 2014: 422-436], характерных для “посторанжевого” периода. После падения режима В. Януковича встроена в Партию регионов моноцентричная клиентелистская сеть рассыпалась, однако клиентелизм как принцип взаимодействия элит (наряду с nepотизмом и коррупцией) нигде не исчез. В период между 21.02.2014 г. и 25.05.2014 г. (от момента бегства В. Януковича из страны до внеочередных выборов президента) власть в Украине оказалась в руках одной политической силы — Всеукраинского объединения “Батькивщина”, хотя влияние на принятие решений также осуществляли лидеры бывшей оппозиции (О. Тягнибок, В. Кличко), олигархи и даже представители старой власти. Избранный 22.02.2014 г. на должность председателя Верховной Рады Александр Турчинов также совмещал обязанности президента Украины и верховного главнокомандующего. С назначением на должность премьер-министра А. Яценюка (27.02.2014 г.) и формированием нового правительства решающее влияние на принятие решений в стране получил дуумвират Турчинов-Яценюк.

Назначения на ключевые государственные должности происходили по квотам трех политических сил: ВО “Батькивщина”, ВО “Свобода” и “УДАР”, публично представлявшими себя оппонентами В. Януковича, но фактически являвшимися посредниками между властью и Майданом. Хотя “УДАР” официально не участвовал в формировании правительства, журналист-расследователь Сергей Лещенко написал об этом так: “Портфели делят лидеры трех сил, а также Николай Мартыненко с Андреем Иванчуком от ‘Батькивщины’ (*доверенные лица А. Яценюка в парламенте*), Игорь Кривецкий от ‘Свободы’ (*предприниматель и неформальный лидер, финансирующий партию*) и Виталий Ковальчук от ‘УДАРа’ (*зам. главы фракции в парламенте*). При этом должности раздают по квотному принципу, который не оглашен никому в стране”⁴. Ссылаясь на публикацию в австрийской газете, С. Лещенко обнародовал факт двух тайных встреч П. Порошенко, В. Кличко и В. Ковальчука (*впоследствии ставшего лидером избирательного штаба Порошенко, а после его избрания первым зам. главы администрации президента*) с С. Левочкиным (*главой администрации В. Януковича*) и Д. Фирташем в Вене. Результатом этих встреч стал отказ В. Кличко от участия в президентской кампании в пользу П. Порошенко, фактическое поглощение малозаметной президентской партией (“Солидарность”) хорошо структурированной партии В. Кличко и поддержка Д. Фирташем П. Порошенко на президентских выборах. Впоследствии все трое признали факт встречи, хотя П. Порошенко отрицал какую-либо поддержку, предоставленную ему задержанным в Австрии олигархом. Сам Фирташ, однако, на слушаниях в суде Вены заявил: “Могу сказать, что мы добились, чего хотели. Порошенко стал президентом, Кличко — мэром”. При этом выполнение “венских соглашений” происходило уже после президентских выборов. Так, по квоте “УДАРа” были назначены зам. министра юстиции, председатель СБУ, главы службы внешней разведки и миграционной службы, а также председатели не менее пяти государственных администраций (Киевской, Черновицкой, Черкасской, Хмельницкой и Запорожской)⁵.

⁴ Лещенко С. 2014. Порошенко — Кличко. Венский альянс под патронатом Фирташа. — *Украинская правда*. 2.04. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2014/04/2/7021142/> (проверено 26.11.2017).

⁵ Фирташ відмовився розкрити суду деталі зустрічі з Порошенком і Кличком. — *Insider*. 30.04. 2014. Доступ: <http://www.theinsider.ua/politics/5542364961b1d/> (проверено 01.12.2017).

Большая часть должностей в центре и регионах все же была разделена между ВО “Батькивщина” и ВО “Свобода”. В первом правительстве А. Яценюка ВО “Батькивщина” получила портфели первого вице-премьера, пяти министров, а также должности глав семи областных государственных администраций (ОГА). ВО “Свобода” получила должности вице-премьера, трех министров, генерального прокурора, председателя Государственного агентства земельных ресурсов и шести председателей ОГА.

В конце августа 2014 г. партию ВО “Батькивщина” покинула влиятельная группа политиков во главе с А. Яценюком и А. Турчиновым. Противоречия по поводу лидерства, возникшие после освобождения Ю. Тимошенко из заключения, закончились расколом, которым воспользовались лидеры новообразованного “Народного фронта”. Так, на внеочередных парламентских выборах “Народный фронт” получил 82 места, а ВО “Батькивщина” — только 19 мест (потеряла 93 места).

Количество игроков, принимавших участие в формировании второго правительства А. Яценюка, увеличилось, хотя принцип назначений остался тем же. Примечательно, что сам премьер высказался за формирование политически ответственного правительства, а не того, “которое было бы разделено по принципу квот”⁶. Тем не менее по квоте ВО “Батькивщина” были назначены министры экологии И. Шевченко⁷, молодежи и спорта И. Жданов, по квоте Радикальной партии — вице-премьер В. Вошевский, а по квоте “Самопомощи” — министр аграрной политики А. Павленко. Если в первом “постмайданном” правительстве 16 (из 20) министров были беспартийными, то во втором — только 10 (из 19), причем трое стали гражданами Украины лишь накануне своих назначений. Таким образом, “квота Майдана” фактически была ликвидирована новыми участниками “торгов”.

По сравнению с предыдущими правительствами, оба правительства А. Яценюка действительно были моложе (средний возраст 38 лет) и выглядели более профессионально (только двое министров во втором правительстве не владели английским). Однако квотный принцип назначений на государственные должности, который был замечен еще в 2002 г. при формировании первого правительства В. Януковича, действует до сих пор, что не способствует его эффективной работе. Так, стремление П. Порошенко поставить под свой контроль важные госпредприятия привело к отставке министра экономического развития А. Абрамовичуса⁸. Эта отставка обнажила скрытую борьбу между президентом и премьером за контроль над ресурсами и вылилась в политический кризис, который президент, премьер и лидеры влиятельных политико-экономических групп (ПЭГ) решили путем перестроения правительства, заменив А. Яценюка на близкого к президенту В. Гройсмана⁹. С. Лещенко в своем блоге на УП (<http://blogs.pravda.com.ua>) написал

⁶ Рада проголосувала новий кабмін. — *Украинская правда*. 02.12.2014. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/12/2/7046214/> (проверено 01.12.2017).

⁷ Аронець О. 2015. Квоти Яценюка і Ко. Оголосіть весь список, будь ласка. — *Висновки*. 02.07. Доступ: <http://vysnovky.com/blogs/2037-kvoti-yacenyuka> (проверено 01.12.2017).

⁸ Абрамовичус заявив об отставке. Одна из причин — Кононенко. — *Украинская правда*. 03.02.2016. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2016/02/3/7097676/> (проверено 01.12.2017).

⁹ См. Жартовская М., Кравец Б. 2016. Как Порошенко и олигархи помогли Яценюку остаться на посту. — *Украинская правда*. 17.02. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2016/02/17/7099360/> (проверено 01.12.2017).

об этом так: “...никакой системы сдержек и противовесов на верхушке украинского руководства не существует. Президент Порошенко и премьер-министр Яценюк в модели США должны были контролировать друг друга, конкурируя за успех и ограничивая государственную коррупцию. На самом деле они просто распределили сферы влияния и денежные потоки, вступив в сговор, еще одним полноценным участником которого теперь стали олигархи”¹⁰.

В целом же произошло формирование *стратегической восьмерки* — неформальной группы наиболее влиятельных игроков украинской политики¹¹. Появление “теневого политбюро” стало ответом украинских элит на новые вызовы (давление со стороны Запада и войну на Донбассе) с целью сохранения контроля над источниками ренты.

При наличии все еще значительных полномочий¹² и неформального влияния П. Порошенко вынужден, тем не менее, оспаривать — в силу конституционных ограничений и низкой легитимности, — место главного политического игрока, прибегая к поддержке одних олигархов против других. Показательным здесь является сотрудничество, а позже конфликты президента с В. Коломойским, М. Саакашвили и А. Садовым — мэром Львова и лидером партии “Самопомощь”, фракция которого в парламенте (26 депутатов) необходима для результативных голосований. В этих противостояниях лидеры “старых” ПЭГ (Р. Ахметов, В. Коломойский) пытаются сохранить за собой подконтрольные им предприятия и отрасли, а лидеры “новых”, как, например, А. Садовой — отстоять свое право на влияние и контроль.

Несмотря на внешние и внутренние угрозы, новый олигархический консенсус не перерос в какой-либо стойкий элитный пакт. Его хрупкость свидетельствует как минимум, во-первых, о том, что преобладание рентоориентированных мотивов в действиях украинских элит по-прежнему сопровождается борьбой одних фракций элит против других, что усложняет выбор “игры по правилам”. Во-вторых, о том, что конкуренция будет обеспечивать политическую динамику и малую вероятность формирования моноцентричной вертикали власти времен В. Януковича. В-третьих, о том, что вероятность сговора в окружении, затянувшаяся война на востоке и угроза массового протеста будут заставлять П. Порошенко двигаться к цели — сохранению власти после президентских выборов 2019 г. путем усиления влияния на силовые ведомства, СМИ и аккумуляции теневого наличных средств¹³. Взаимоотношения с конкурирующими группами будут происходить путем заключения краткосрочных неформальных соглашений между одними группами против других.

¹⁰ Лешенко С. 2016. Разобрать сговор по молекулам. Новые подробности спасения Яценюка (исправлено). — *Украинская правда*. 20.02. Доступ: <http://blogs.pravda.com.ua/authors/leschenko/56c8dfa835585> (проверено 01.12.2017).

¹¹ Кочетков А. “Стратегическая восьмерка” как высшая стадия олигархического консенсуса в Украине. — *Хвиля*. 19.06.2016. Доступ: <http://hvylya.net/analytics/politics/strategicheskaya-vosmerka-kak-vysshaya-stadiya-oligarhicheskogo-konsensusa-v-ukraine.html> (проверено 01.12.2017).

¹² Даже с возобновлением действия Конституции в редакции 2004 г. полномочий у президента Украины больше чем у его коллег в похожих полупрезидентских системах. См. Аверчук Р. 2016. Уся президентська влада: повноваження та вплив Порошенка порівняно з президентами інших країн. — *Vox Ukraine*. 08.07. Доступ: <http://voxukraine.org/2016/07/08/presidential-power-in-ukraine-comparative-perspective-ua/#imageclose-28156> (проверено 01.12.2017).

¹³ Лешенко С. Влияние и поглощение. — *Новое время*. 04.03.2017. Доступ: <http://nv.ua/opinion/leschenko/vlijanie-i-pogloshchenie-740963.html> (проверено 09.03.2017).

Этим П. Порошенко как президент ничем не отличается от своих предшественников. В случае прекращения войны на востоке страны и достижения более устойчивого компромисса нынешнее президентство — в части построения полицентричной клиентелистской сети — будет напоминать президентство Л. Кучмы. Что же касается шансов выхода из институциональной ловушки, то с течением времени они становятся все более призрачными. Если внутренние (экономический упадок и угроза протестов) и внешние (война на востоке) угрозы оказались недостаточными для изменения поведения элит, то, следовательно, гибридизация, а не демократизация или авторитаризация, является определяющим трендом постреволюционных изменений режима в Украине.

КЛИЕНТЕЛИЗМ В СИСТЕМЕ “КОНКУРИРУЮЩИХ ПИРАМИД”

После вступления в должность П. Порошенко занялся строительством собственной сети, расшатывая дуумвират Турчинова—Яценюка. Клиентелизм в форме лояльности-фаворитизма остался весомым фактором назначений на государственные должности. Так, в течение года президент уволил 22 из 24 глав областных государственных администраций, назначенных А. Турчиновым¹⁴. Главой Администрации президента стал давний партнер П. Порошенко из сферы медиа-бизнеса Борис Ложкин¹⁵, его первым заместителем — Геннадий Зубко, руководитель избирательного штаба П. Порошенко в Житомире, который до этого временно исполнял обязанности руководителя Государственного управления делами. С июля по декабрь 2014 г. еще одним заместителем Б. Ложкина был миллиардер Юрий Косюк, который стал внештатным советником президента. Восстановив должность первого помощника, Порошенко назначил на нее Юрия Онищенко, который работал с ним в МИД. С избранием П. Порошенко на пост президента эксперты и журналисты заговорили о приходе “Винницкого клана” в столицу¹⁶. Так, председателем Верховной Рады стал бывший мэр Винницы Владимир Гройсман, первым заместителем председателя Аппарата Верховной Рады — Владимир Слышинский, председателем Государственного управления делами — Сергей Березенко, первым зам. министра регионального развития — Владимир Кистион, а заместителем председателя фракции БПП в парламенте — Игорь Кононенко. Провалом клиентелистской кадровой политики Порошенко эксперты назвали назначение В. Гелетея министром обороны и В. Гонтаревой — главой Нацбанка¹⁷.

В последний день 2015 г. закрытым указом (735/2015) президент присвоил генеральские звания трем заместителям генерального прокурора — А. Матиосу, Н. Холодницкому и Р. Говде, а также начальнику службы безопасности прези-

¹⁴ По состоянию на июль 2015 г. на своих должностях остались только В. Шандра (в Киевской ОГА) и Ю. Ткаченко (в Черкасской ОГА). Оба в прошлом были членами НСНУ и, вероятно, связаны с В. Ющенко — кумом П. Порошенко.

¹⁵ Почему Борис Ложкин стал правой рукой президента. — *Insider*. 12.06.2014. Доступ: <http://www.theinsider.ua/politics/53982c3033069/> (проверено 01.12.2017).

¹⁶ Винницкий клан на Печерських пагорбах. Кого привів до влади Президент України. — *Слово і діло*. 27.05. 2015. Доступ: <http://www.slovoidilo.ua/2015/05/27/infografika/polityka/vinnyczkyj-klan-na-pecherskykh-pahorbax.-koho-pryviv-do-vlady-prezydent-ukrayiny> (проверено 01.12.2017).

¹⁷ Сто днів Президента Петра Порошенка — думка експертів і громадськості. Опитування. — *Фонд Демократичні ініціативи*. 16.09.2014. Доступ: <http://dif.org.ua/article/sto-dniv-prezidenta-petra-poroshenka-dumka-ekspertiv-i-gromadskosti> (проверено 30.11.2017).

дента — Ю. Федорову¹⁸. То, что указ отсутствует на сайте президента, с одной стороны, указывает на продолжение практики непубличных решений, характерных для всех предшественников П. Порошенко, а с другой — на желание президента “превентивным награждением” превратить молодых работников антикоррупционной прокуратуры в своих клиентов.

Принимая во внимание упрямство президента, с которым он более полугода сопротивлялся давлению общественности и Запада, настаивающих на увольнении Виктора Шокина с должности генерального прокурора¹⁹ и его упрямство в назначении лидера своей фракции в парламенте Ю. Луценко на эту должность, очевидно, что усилия П. Порошенко повторяют действия его предшественников в выстраивании клиентелистской вертикали²⁰. Добившись назначения В. Гройсмана на пост премьера, а Ю. Луценко — на должность генпрокурора, президент получил контроль над исполнительной властью, значительной частью парламента и судебной ветви власти.

СОСТОЯЛАСЬ ЛИ СМЕНА ЭЛИТ?

Количественные изменения в составе политического класса Украины ни в 1991 г., ни в 2005 г. не привели к его качественному обновлению, способствующему формированию консенсусно ориентированной элиты. В отличие от большинства стран Восточной Европы в Украине сформировалась фрагментированная структура элит [Higley, Pakulski 1999: 306; Гельман 2007: 89]. Во время регулярных электоральных циклов циркуляция элит происходила путем репродукции, а во время кризисов (1991 и 2004 гг.) — путем квазизамещения (в терминах Дж. Хигли [Higley, Pakulski 1999: 298]). Что же произошло в этот раз? Очевидно, что революция приводит к смене людей у власти. Политическая революция 2014 г. здесь не стала исключением. Но что значит эта смена? Если за критерий обновления элит взять процент тех, кто в своей деятельности преследует общественные, а не частные (партийные) интересы, т.е. является реформатором, а не имитатором реформ, то качественное обновление произошло лишь в меньшей части депутатского корпуса.

Так, анализ голосований в Верховной Раде по четырем наиболее резонансным “лоббистским” законопроектам: 2217 (о децентрализации), 1558-1 (о валютных кредитах), 2831-3 (о местных выборах), 4645 (об изменениях закона о генеральной прокуратуре) указывает, что из 236 впервые избранных депутатов количество голосовавших против, воздержавшихся или не голосовавших за эти законопроекты колеблется от 45 (19%) до 67 человек (28%). Что касается голосований по таким же резонансным “реформистским” законопроектам — 1663-19 (о телевидении), 6335 (об изменениях в законе о предупреждении коррупции), 1852-VIII (о депутатской неприкосновенности), 272-VIII (об акционерных

¹⁸ Президент закрытым указом присвоїв генеральськї звання антикорупційному прокурору, начальнику особистої охорони, заступникам генпрокурора. — *Зеркало недели. Украина*. 28.01.2016. Доступ: http://dt.ua/POLITICS/prezident-zakritim-ukazom-prisvoyiv-generalski-zvannya-antikorupciynomu-prokuroru-nachalniku-osobistoyi-ohoroni-zastupnikam-genprokurora-198094_.html (проверено 11.11.2017).

¹⁹ До тех пор, пока В. Шокин оставался на посту генпрокурора (до 16.02.2016), ни один кандидат “извне системы” не попал на руководящую должность в органы прокуратуры. См. Рінгіс А. 2016. Антиреформа. Як генпрокурор Шокин зацементував прокуратуру, і що з ним робити. — *Українська правда*. 22.02. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/articles/2016/02/22/7099861> (проверено 11.11.2017).

²⁰ Лешенко С. 2016. Вернулись в Семью. Порошенко создает клан. — *Новое время*. 23.07. Доступ: <http://nv.ua/opinion/leshenko-vernulis-v-semju-poroshenko-sozdaet-klan-178202.html> (проверено 13.03.2017).

обществах), то здесь количество голосовавших “за” из тех же 236 составило 62 депутата (26%), что сопоставимо с количеством депутатов голосовавших против “лоббистских” законопроектов²¹. Кроме того, 42 из 236 (18%) депутатов так или иначе связаны с ПЭГ, а 110 фигурируют в антикоррупционных расследованиях. Для выхода страны из состояния “гибридности” и возвращения на путь устойчивого развития необходимо, чтобы количество реформаторов в парламенте составило не менее 50% от общего числа депутатов.

Представленные цифры явно контрастируют с количественными показателями обновления парламента, которые по разным данным составляют от 236 (56%)²² до 283 депутатов (67%)²³. Из всех 423 депутатов, избранных на внеочередных выборах 2014 г., 29 бывших членов Партии регионов прошли в парламент под флагом “Оппозиционного блока” (фракция которого состоит из 42 депутатов), а 17 — по спискам “Блока Петра Порошенко”²⁴. Более того, в парламент попали 64 депутата из числа голосовавших в январе 2014 г. за “законы о диктатуре”.

Хотя Партия регионов формально отстранена от власти, новым президентом стал один из ее основателей, миллиардер, далеко не новый человек в системе. Так же не новыми являются А. Турчинов, А. Яценюк, значительная часть зам. министров и представители высшего звена управления. Что касается руководства министерств и исполнительной власти в целом, то процент обновления здесь значительно выше²⁵.

В предыдущем парламенте было семь “семейных кланов”, состоявших из родственников и “клиентов” нескольких бизнес-групп во главе с “Семьей” В. Януковича. По крайней мере, 55 депутатов бывшего парламента (12%) имели родственников в Раде или в органах исполнительной власти. К сожалению, новый парламент не очистился от nepотизма, коррупции и клиентелистских связей. Так, Алексей Порошенко, Ирина Луценко, не говоря о клане Виктора Балоги, попали в парламент благодаря родственным связям. Еще одним примером использования новой властью “старых практик” стала продажа новым премьером и президентом мест в списке своих партий за 3–10 млн долл., о чем заявил Томас Фиала — основатель инвестиционного банка *Dragon Capital* в Украине — в своем интервью для немецкого журнала *Der Spiegel*²⁶.

²¹ Специальных исследований по качественному обновлению парламентарской элиты, к сожалению, нет. Представленные здесь данные взяты из [Мацієвський, Кулик 2017].

²² Такие цифры подает ГО “Честно”. См. Украинцы обновили Раду на 56%. — *Украинская правда*. 31.10.2014. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/10/31/7042837/> (проверено 15.03.2017).

²³ Как обновлялся состав Верховной Рады Украины от созыва к созыву. — *Слово і діло*. 17.11. 2014. Доступ: <https://ru.slovoidilo.ua/articles/5767/2014-11-17/kak-obnovlyalsya-sostav-verhovnoj-rady-ukrainy-ot-sozyva-do-sozyva.html> (проверено 15.11.2017).

²⁴ По спискам БПП в областные советы прошли 84 бывших члена Партии регионов, что составляет 22% от 377 мест, которые БПП получил на местных выборах 2015 г. См. Бондарь О. 2016. Казус Президента. — *Зеркало недели*. 05.02. Доступ: <https://zn.ua/internal/kazus-prezidenta-22-chlenov-bloka-petra-poroshenko-v-oblradah-i-12-v-vr-byvshie-regionaly-.html> (проверено 15.11.2017).

²⁵ Аналитическая группа *Vox Ukraine* указывает, что обновление госслужащих охватило 100% руководителей, 84% заместителей и 77% руководителей департаментов. Среднее сокращение центрального аппарата исполнительных органов власти составило 5%. Наибольшие изменения произошли на уровне руководства правительства, Нацбанка, налоговой службы и генеральной прокуратуры. См. Чи Привела Революція Без Лідерів До Влади Нових Лідерів. — *Vox Ukraine*. 29.10.2015. Доступ: <http://voxukraine.org/2015/10/29/did-the-leaderless-revolution-bring-new-leadership-ua/> (проверено 15.03.2017).

²⁶ Порошенко та Яценюк продавали місця в парламенті. — *Der Spiegel*. — *Телеканал новостей “24”*. 27.08.2015. Доступ: http://24tv.ua/news/showNews.do?poroshenko_ta_yatsenyuk_prodavali_mistsya_v_parlamenti_der_zpiegel&objectId=605854&tag=ukrayina (проверено 15.03.2017).

Глубокое “очищение” парламента было заблокировано самими депутатами, которые сохранили смешанную систему проведения выборов. Новый закон о местных выборах Рада приняла лишь в июле 2015 г., но и он был скопирован с российского образца, что лишь создало иллюзию альтернативного голосования²⁷. С началом работы парламента VIII созыва в нем сформировалось прореформистское ядро²⁸, но его деятельность усложнялась ориентацией одной части депутатов на президента, а другой — на премьера (в то время А. Яценюка), откровенным или скрытым саботажем части депутатов²⁹ и давлением олигархов на принятие решений³⁰. Влияние последних хоть и уменьшилось по сравнению с предыдущим созывом парламента, но никуда не исчезло [Konończuk 2015; Pleines 2016].

Несмотря на наличие в коалиции сначала конституционного, а с марта 2016 г. простого большинства, эффективность работы парламента остается низкой. Основная линия противостояния в новом парламенте проходит не между про-российскими и прозападными силами, а между про- и антиреформаторами. Последние, как ни странно, составляют весьма влиятельную группу, рассеянную между всеми фракциями. Отсутствие на заседаниях и неголосование стали новыми формами саботажа в парламенте. Так, общественная сеть “Опора” обнаружила, что показатель отсутствия и неголосований во фракциях в первые полгода деятельности парламента составил от 12% в “Народном фронте” до 30% в “Оппозиционном блоке”. Результатом стало то, что за это время из почти трех тысяч зарегистрированных законопроектов лишь только 451 (13%) стал законом³¹.

Запуская процесс смены всей системы власти в стране (от президентских до местных выборов), П. Порошенко, с одной стороны, стремился ввести революцию в легитимное русло, а с другой — создать подконтрольную ему коалицию и правительство. В случае формирования управляемой коалиции и правительства президент получал инструмент для возвращения в действие Конституции в редакции 1996 г., которая давала более широкие полномочия³². Ни одна из этих двух целей президента не была достигнута в полной мере. Хотя альянс с “УДАРом” позволил “Блоку Петра Порошенко” получить больше мест в парламенте, чем его конкуренты, победа “Народного фронта” в пропорциональной части лишила П. Порошенко роли ключевого игрока в формировании коалиции.

Таким образом, в целом свободные выборы президента и парламента легитимировали постреволюционную смену власти, но глубокое обновление элит было

²⁷ Айвазовська А. 2015. Обирати по-справжньому. — *Зеркало недели. Україна*. 03.07. Доступ: <https://dt.ua/internal/obirati-po-spravzhnomu-.html> (проверено 15.11.2017).

²⁸ Vox Ukraine. 2015. *VoxUkraine Report on Voting Patterns in Rada: The Real Coalition and is Samopomich a Dissenter?* URL: <https://voxukraine.org/2015/04/16/voxukraine-report-on-voting-patterns-in-rada-the-real-coalition-and-is-samopomich-a-dissenter/> (accessed 30.03.2017).

²⁹ Милованов Т., Остапчук Д. 2015. Закон 1558-1 Був Прийнятий Опозицією. — *Vox Ukraine*. Доступ: <http://voxukraine.org/2015/07/08/law-1558-1-was-passed-by-the-opposition-ukr/> (проверено 10.04.2017).

³⁰ Милованов Т. 2015. Необычные голосования в Верховной Раде. — *Vox Ukraine*. 27.11. Доступ: <http://archive.voxukraine.org/2015/11/27/neobychnye-golosovaniya-v-verhovnoi-rade-ru/> (проверено 10.04.2017).

³¹ *Opora Reporting. Verkhovna Rada of Ukraine: Half-year Activities*. 09.06.2015. URL: <https://www.oporaua.org/en/news/38764-5819-1446982806-zvit-opory-verhovna-rada-ukrajiny-pivnichchja-dijalnosti> (accessed 18.11.2017).

³² Редактор влиятельного еженедельника “Зеркало недели” Юлия Мостовая еще в сентябре 2014 г. написала, что некоторые судьи Конституционного суда сообщили редакции о зондировании уполномоченными представителями президента возможности отмены действующей Конституции (2004 г.) и восстановления конституции 1996 г. См. Мостовая Ю. 2014. Пролетая над гнездом Феникса. — *Зеркало недели. Україна*. 26.09. Доступ: <https://zn.ua/internal/proletaya-nad-gnezdом-feniksa-.html> (проверено 15.11.2017).

заторможено смешанной системой проведения выборов, влиянием олигархов, клиентелизмом и квотным принципом назначений на государственные должности. Дополненные коррупцией и неформальными соглашениями, эти практики являются главными препятствиями Украины на пути к устойчивому развитию.

В течение трех первых лет новой власти были заложены институциональные предпосылки изменений. Однако саботаж со стороны руководства страны в создании Специализированной антикоррупционной прокуратуры и Национального антикоррупционного бюро³³, выхолащивание закона о люстрации³⁴ и закона об электронном декларировании доходов³⁵, а также нежелание инициировать изменения избирательного законодательства (в части “открытия” избирательных списков партий) указывают на то, что ключевые игроки пытаются ограничить системность реформ.

Вот несколько других показателей, свидетельствующих о сохранении прежнего институционального климата. Значение индекса верховенства права для Украины в 2015 г. (измеряется от 0 до 1) составило 0,48, а в 2016 г. улучшилось лишь на одну сотую пункта — 0,49. С этим показателем Украина оказалась на 78 месте из 113 стран, вошедших в рейтинг³⁶. В целом соблюдение прав и свобод граждан остается проблемным, а новая власть “часто пренебрегает принципом верховенства права, руководствуясь политической целесообразностью”³⁷. Центр социальных и трудовых исследований, который осуществляет мониторинг протестов с 2009 г., обнаружил, что с апреля по июнь 2015 г. на каждые сто протестов выявилось 57 негативных реакций власти. “Уровень репрессий для многих категорий протестов существенно выше, чем во времена Януковича в 2013 году до начала Майдана” — отмечают эксперты Центра. Негативная реакция на протесты по состоянию на апрель–июнь 2015 г. была вдвое больше, чем во время Майдана³⁸.

Хотя показатель демократизации *Freedom House* в 2015–2017 гг. тоже несколько улучшился по сравнению с 2014 г. (с 4,93 до 4,75 и 4,61 в шкале от 7 до 1), но он хуже того, который Украина получила через год после “оранжевой” революции (4,21)³⁹. Условия ведения бизнеса также несколько улучшились по сравнению с прошлым и предыдущими годами⁴⁰, однако индекс экономической свободы в сравнении

³³ Transparency International: Руководство Украины руками Шокина “приручает” антикоррупционный блок. — *Украинская правда*. 02.11.2015. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2015/11/2/7087155/> (проверено 15.11.2017).

³⁴ См. Савченко И. 2015. Отчет: Очищение власти или люстрация по-украински. Опыт первого года осуществления. — *Открытый диалог*. 02.11. Доступ: <http://ru.odfoundation.eu/a/7022.otchyot-ochishchenie-vlasti-ili-lyustraciya-po-ukrainski-opyt-pervogo-goda-osushchestvleniya> (проверено 24.11.2017).

³⁵ АП разослала “темники”, как оправдывать поправки к е-декларированию. — *Украинская правда*. 28.03.2017. Доступ: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2017/03/28/7139524/> (проверено 24.11.2017).

³⁶ World Justice Project. *Rule of Law Index. Ukraine*. 2015. URL: <http://data.worldjusticeproject.org/> (accessed 21.11.2017).

³⁷ Права людини в Україні в березні–листопаді 2014 р.: основні тенденції. — *Права людини в Україні*. 21.05.2015. Доступ: <http://www.khpg.org/index.php?id=1432190190> (проверено 15.03.2017).

³⁸ Яка ймовірність, що ви зазнаєте репресій? — *Центр соціальних і трудових досліджень*. 26.08.2015. Доступ: <http://cslr.org.ua/yaka-ymovirmist-shho-vi-zaznayete-represiy/> (проверено 15.11.2017).

³⁹ Freedom House. *Nations in Transit. Ukraine*. 2017. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2017/ukraine> (accessed 01.12.2017).

⁴⁰ Doing Business 2017. Equal Opportunity for All. Economy Profile 2017. Ukraine. — *A World Bank Group Flagship Report*. URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/wbg/doingbusiness/documents/profiles/country/ukr.pdf> (accessed 01.12.2017).

с 2013 г. поднялся всего на два пункта (с 46,3 до 48,1 на шкале 0–100), что не позволило выйти из группы стран с “репрессивной экономикой”⁴¹. Системная коррупция превратилась в хаотичную, но отсутствие прозрачной судебной системы и безнаказанность коррупционеров подрывают эффективность реформ в этой сфере⁴² [CPI 2016]. В сравнении с 2015 г. коррупция в бизнес-среде возросла⁴³.

Непоследовательность в проведении реформ подрывает доверие к правительству и судебной системе, в то время как СМИ и армия, в оценках граждан, оказывают положительное влияние на ситуацию в стране⁴⁴. Стремительное падение доверия к президенту⁴⁵, парламенту⁴⁶ и правительству⁴⁷, зафиксированное уже через год после выборов, не является обычным поствыборным трендом. Высокие ожидания украинцев сменились недовольством от сохранения коррупции, беззакония и ухудшения благосостояния. Разрыв между властью и обществом, углубившийся во время президентства В. Януковича, так и не был преодолен в течение трех лет после революции. Ответом правительства на растущую социальную неудовлетворенность стало двукратное повышение номинального уровня минимальной заработной платы и неофициальная подготовка к досрочным парламентским выборам⁴⁸. Социальное и политическое маневрирование властей в условиях обострения внутренних проблем и войны на востоке вряд ли заменит отсутствие системных реформ. Таким образом, итогом трех лет президентства П. Порошенко является отсутствие “перезагрузки системы”.

Чтобы отчетливее увидеть, изменился ли режим, воспользуемся перечнем индикаторов смены режима (см. табл.), составленного экспертами британской “Policy Exchange”.

⁴¹ 2017 Index of Economic Freedom Ukraine. — *Heritage Foundation*. URL: <http://www.heritage.org/index/country/ukraine> (accessed 01.12.2017).

⁴² CPI 2016. — *Transparency International Ukraine*. Impunity and Inefficient Justice System Keep Ukraine at the Bottom of Corruption Rankings. URL: <http://ti-ukraine.org/en/research/cpi-2016/> (accessed 01.12.2017).

⁴³ Украина поднялась на первое место в рейтинге коррупции Е&Y. — *Зеркало недели*. 10.04.2017. Доступ: http://zn.ua/UKRAINE/ukraina-podnyalas-na-pereshe-mesto-v-reytinge-korruptcii-e-y-245078_.html (проверено 01.12.2017).

⁴⁴ В весеннем (2015 г.) опросе *Pew Research Center* в Украине 72% опрошенных признали, что армия оказывает положительное влияние на ситуацию в стране. См. Simmons K., Stokes B., Poushter J. 2015. Ukrainian Public Opinion: Dissatisfied with Current Conditions, Looking for an End to the Crisis. — *Pew Research Center*. Global Attitudes & Trends. 10.06. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/06/10/3-ukrainian-public-opinion-dissatisfied-with-current-conditions-looking-for-an-end-to-the-crisis/> (accessed 01.12.2017).

⁴⁵ Поддержка деятельности президента в марте 2015 г. снизилась до 12,6%. См. Соціологічне опитування: Чи підтримуєте Ви діяльність Президента України? (динаміка, 2000–2010 рр.). — *Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова*. Доступ: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=67 (проверено 25.03.2017).

⁴⁶ Доверие к новоизбранному парламенту по состоянию на декабрь 2014 г. составило 4,4%, а в марте 2015 г. снизилось до 3,9%. Указанный процент касается варианта “полностью поддерживаю”. См. Соціологічне опитування: Чи підтримуєте Ви діяльність Верховної Ради України? (динаміка, 2000–2010 рр.). — *Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова*. Доступ: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=68 (проверено 25.03.2017).

⁴⁷ Доверие к правительству снизилось с 5,1% в декабре 2014 г. до 4,5% в марте 2015 г. См. Соціологічне опитування: Чи підтримуєте Ви діяльність Уряду України? (динаміка, 2000–2010 рр.). — *Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова*. Доступ: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=75 (проверено 25.03.2017).

⁴⁸ Рахманин С. 2017. Андрей Садовый: “На Банковой никто не думает стратегически”. — *Зеркало недели*. 17.03. Доступ: https://zn.ua/internal/andrey-sadovoy-na-bankovoy-nikto-ne-dumaet-strategicheskii_.html (проверено 01.12.2017).

Таблица (Table)

Индикаторы смены режима
Regime Change Indicators

Прежнее руководство отстранено?	Да
Поддерживающие структуры (бюрократия) реформированы?	Частично, на уровне высшего звена
Последствия существования прежнего режима устранены?	Частично, на уровне людей, но не на уровне практик
Создана новая структура элит?	Количественное обновление парламента (от 56% до 67%) не переросло в качественные изменения. Структура элит в Украине остается фрагментированной
Экономическая власть рассредоточена?	Нет
Гражданское общество окрепло?	Да, но не настолько, чтобы привести новых людей к власти ⁴⁹
Политическая система изменилась?	Формально, но старые проблемы остались
Общая оценка	Очередная смена людей во власти не привела к формированию демократических правил игры

Источник: [Regime Change... 2003: 20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом исследовании внимание сосредоточено на изменениях в формальных и неформальных институтах, а также изменениях в количественном и качественном составе элит исполнительной и законодательной ветвей власти Украины, произошедшие после смены власти в 2014 г. Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов.

1. Ответ на эмпирический вопрос исследования — изменился ли режим после революции 2014 г. — отрицательный. Несмотря на большие, по сравнению с 2005 г., изменения формальных институтов и состава игроков (в правительстве и парламенте), неформальные практики сохраняют свое значение. Возвращение к Конституции в редакции 2004 г. способствует большей конкуренции среди элит, но сохранение старого операционного кода взаимодействия между ними оставляет институциональное ядро режима без изменений.

Этот вывод может показаться слишком категоричным для тех, кто склонен оценивать режим по стилю президентства, взаимодействия элит с массами, влиянию социокультурных или внешних факторов. В работе внимание сосредоточено на институтах и акторах — двух составляющих, которые были взяты за основу операционализации понятия режима. Такие факторы, как ценности/политическая культура, гражданское общество, экономическое развитие или внешнее окружение, конечно, влияют на успех или неудачу экономических и демократических преобразований, но не определяют сущности режима. Стиль осуществления власти отличает одного президента от другого, но стиль правления не следует смешивать с типом режима. “Стилистически”

⁴⁹ Продолжение экономического кризиса ведет к сужению среднего класса — основы гражданского общества, а законодательные ограничения деятельности волонтерских организаций — к истощению социальной активности граждан.

каждое президентство отлично от прочих. В настоящей работе подтверждается аргумент Г. Хейла о том, что система единоличной власти (*single pyramid system*) приводит к уменьшению конкуренции и большей закрытости режима, в то время как система разделенной исполнительной власти (*divided executive*) ведет к увеличению состязательности (*competing pyramid system*) и большей открытости режима [Hale 2014: 423-439]. Несмотря на ограниченные полномочия, П. Порошенко сумел поставить под свой контроль все ветви власти, но для предупреждения вертикальных (массового протеста) и горизонтальных угроз (создания альтернативной координации в окружении) вынужден прибегать к традиционным практикам социального и политического маневрирования и взаимодействия с окружением. Отсутствие олигархического, не говоря даже об общественном консенсусе, будет выражаться в традиционных для Украины кратковременных неформальных соглашениях президента с лидерами ПЭГ с целью сохранения контроля над источниками ренты.

2. Что касается более общего, теоретического вопроса о последствиях революции в гибридных режимах, то случай Украины подтверждает тезис о том, что такие режимы довольно устойчивы. Неэффективное институциональное равновесие (институциональная ловушка), сложившееся в Украине еще в середине 1990-х годов, демонстрирует способность к сохранению и воспроизводству даже в условиях войны и незаконченной революции. Условием выхода из институциональной ловушки в случае Украины является качественное обновление элит. В Украине ни разу — ни в 1991, ни 2004, ни даже в 2014 гг. парламент не обновлялся реформаторами хотя бы наполовину. Как показывает украинский случай, ротация и/или квазизамещение элит не способны привести к власти игроков, готовых принять и поддерживать новые правила игры. Таким образом, глубокую смену элит следует считать необходимым условием смены режима, а в случае Украины — и условием выхода из институциональной ловушки.

3. Определяющим трендом постреволюционных изменений режима в Украине является гибридизация — т.е. воспроизводство и сохранение подрывного влияния неформальных институтов на формальные институты, что в свою очередь негативно влияет на качество конституционализма и административный потенциал государства. Что же касается представления о различных режимах, имевших место в Украине, то его следует признать ошибочным. Режим в Украине изменился лишь один раз, и эта смена длилась с начала до середины 1990-х годов. С тех пор политический режим в Украине остается гибридным.

Гельман В.Я. 2007. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе). — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 81-108. <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.06>

Гельман В. 2015. *Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 44 с. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf

Колодій А. 1999. До питання про політичний режим в Україні (спроба транзитивного підходу) [К вопросу о политическом режиме в Украине. Попытка транзитологического подхода]. — *Сучасність*. № 7-8. С. 84-96.

Кочубей Л. 2016. Теоретичне осмислення політичних режимів часів незалежної України [Теоретическое осмысление политических режимов времен независимой Украины]. — *Політична наука в Україні 1991-2016. Теоретико-методологічні засади*

і концептуальні підсумки вітчизняних досліджень [Политическая наука в Украине. Під ред. О. Рафальського, М. Кармазіної, О. Майбороди. В 2-х томах. Т. 2. Київ: Парламентське видавництво. С. 442-451.

Мацієвський Ю. 2011. Інволюція конституціоналізму та квазі-авторитарний режим в Україні [Инволюция конституционализма и квазиавторитарный режим в Украине]. — *Вибори та демократія*. № 3. С. 49-56.

Мацієвський Ю. 2016. *У пастці гібридності: зигзаги трансформацій політичного режиму в Україні (1991-2014)* [В ловушке гибридности: зигзаги трансформаций политического режима в Украине (1991-2014)]. Чернівці: Книги — XXI. 552 с. URL: http://www.ipiend.gov.ua/uploads/dissertations/Matsievskiy/matsievskiy_dyser.pdf

Мацієвський Ю.В., Кулик К.В. 2017. *Верховна Рада VIII скликання: чи відбулося якісне оновлення?* [Верховная Рада VIII созыва: произошло ли качественное обновление?] Острог: Центр політичних досліджень Національного університету “Острозька академія”. 9 с. URL: http://cpr.ua.edu.ua/wp-content/uploads/2017/09/Ukraines-parliament-of-VIII-convocation_2017.pdf (accessed 07.12.2017)

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. 2011. *Насилие и социальные порядки, концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара. 480 с.

Полтерович В.М. 2004. Институциональные ловушки: есть ли выход? — *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5-16. URL: https://www.researchgate.net/publication/43126432_Institucionalnye_lovuski_est_li_vyход (проверено 07.12.2017).

Рябчук М. 2012. Від “хаосу” до “стабільності”: хроніка авторитарної консолідації [От “хаоса” к “стабильности”: хроника авторитарной консолидации]. Київ: “К.І.С”. 288 с.

Фисун А. 2006. *Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации*. Харьков: Константа. 352 с.

Acemoglu D., Robinson J.A. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publisher. 563 p.

Andersen D., Møller J., Rørbæk L.L., Skaaning S.-E. 2014. State Capacity and Political Regime Stability. — *Democratization*. Vol. 21. No. 7. P. 1305-1325. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960204>

Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine. 2016. Ed. by H. Hale. R. Orttung. Stanford: Stanford University Press. 322 p.

D’Anieri P. 2007. *Understanding Ukrainian Politics: Power, Politics, and Institutional Design*. New York: M.E. Sharpe; Routledge. 312 p.

Diuk N. 2014. Euromaidan: Ukraine’s Self-Organizing Revolution. — *World Affairs*. Vol. 176. No. 2. P. 9-16.

Fishman R.M. 1990. Rethinking State and Regime: Southern Europe’s Transition to Democracy. — *World Politics*. Vol. 42. No. 3. P. 422-440.

Gandhi J., Przeworski A. 2007. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. — *Comparative Political Studies*. Vol. 40. No. 11. P. 1279-1301. <https://doi.org/10.1177/0010414007305817>

Regime Change: It’s Been Done Before. 2003. Ed. by R. Gough. L.: Policy Exchange. Clutha House. 157 p. URL: <https://www.policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2016/09/regime-change-may-03-1.pdf> (accessed 07.04.2017).

Hale H.E. 2013. Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings. — *Annual Review of Political Science*. Vol. 16. No. 1. P. 331-353. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-212204>

Hale H.E. 2014. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective (Problems of International Politics)*. N.Y: Cambridge University Press. 540 p.

Hale H.E. 2016. Constitutional Performance after Communism: Implications for Ukraine. — *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Ed. by H.E. Hale, R.W. Orttung. Stanford: Stanford University Press. P. 124-142.

Harasymiw B. 2002. *Post-Soviet Ukraine*. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press. 469 p.

Higley J., Pakulski J. 2012. Elite Power Games and Democratic Consolidation in Central and Eastern Europe (1999). — *Historical Social Research*. Vol. 37. No. 1. P. 292-319. <http://dx.doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.292-319>

Huntington S. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press. 512 p.

Konończuk W. 2015. Oligarchs After The Maidan: The Old System In A “New” Ukraine. — *OSW Commentary*. No. 162. 16.02. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/commentary_162_0.pdf (accessed 18.11.2017).

Kuzio T. 2015. *Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism*. Santa Barbara: Praeger. 611 p.

Kuzio T. 2016. Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution. — *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Ed. by H.E. Hale, R.W. Orttung. Stanford: Stanford University Press. P. 181-203.

Levitsky S., Way L.A. 2010. *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press. 536 p.

Lust-Okar E. 2004. Divided They Rule: The Management and Manipulation of Political Opposition. — *Comparative Politics*. Vol. 36. No. 2. P. 159-179. <http://dx.doi.org/10.2307/4150141>

Melville A., Mironyuk M. 2016: “Bad Enough governance”: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. No. 2. P. 132-151. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1052215>

Menon R., Rumer E.B. 2015. *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Cambridge: The MIT Press. 248 p.

Mesquita B. 2010. Regime Change and Revolutionary Entrepreneurs. — *The American Political Science Review*. Vol. 104. No. 3. P. 446-466. <https://doi.org/10.1017/S0003055410000274>

Miller M.K. 2015. Democratic Pieces: Autocratic Elections and Democratic Development since 1815. — *British Journal of Political Science*. Vol. 45. No. 3. P. 501-530. <https://doi.org/10.1017/S0007123413000446>

Møller J. 2017. *State Formation, Regime Change, and Economic Development*. Abingdon; New York: Routledge. 282 p.

Munck G.L. 1996. Disaggregating Political Regime: Conceptual Issues in the Study of Democratization. — *The Hellen Kellogg Institute for International Studies*. Working Paper No 228. 42 p. URL: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/228.pdf> (accessed 15.11.2017).

O'Donnell G., Schmitter Ph.C. 1986. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 120 p.

Onuch O. 2015. Maidans Past and Present: Comparing the Orange Revolution and the Euromaidan. — *Ukraine's Euromaidan. Analysis of a Civil Revolution*. Ed. by D.R. Marples F.V. Mills. Stuttgart: Ibidem-Verlag. P. 27-56.

Pleines H. 2016. Oligarchs and Politics in Ukraine. — *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 24. No. 1. P. 105-127.

Popova M. 2014. Why the Orange Revolution Was Short and Peaceful and Euromaidan Long and Violent. — *Problems of Post-Communism*. Vol. 61. No. 6. P. 64-70.

- Popular Contention, Regime, and Transition. Arab Revolts in Comparative Global Perspective.* Ed. by E.Y. Alimi, A. Sela, M. Sznajder. 2016. Oxford: Oxford University Press. 384 p.
- Reich G. 2002. Categorizing Political Regimes: New Data for Old Problems. — *Democratization*. Vol. 9. No. 4. P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/714000289>
- Revolution and War in Contemporary Ukraine: The Challenge of Change.* Ed. by O. Bertelsen. 2017. Stuttgart: Ibidem-Verlag. 440 p.
- Sakwa R. 2016. *Frontline Ukraine. Crisis in the Borderlands*. London; New York: I.B. Tauris. 320 p.
- Schedler A. 2013. *The Politics of Uncertainty. Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford: Oxford University Press. 512 p.
- Skaaning S.-E. 2006. Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework. *CDDRL Working Papers*. No. 55. Stanford University. 28 p.
- Way L. 2015. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 274 p.
- Weyland K. 2010. The Diffusion of Regime Contention in European Democratization, 1840 – 1940. — *Comparative Political Studies*. Vol. 43. No. 8–9. P. 1148–1176. <https://doi.org/10.1177/0010414010370439>
- Wilson A. 2014. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. Totton, Hampshire: Yale University Press. 248 p.

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.07

TRAPPED IN HYBRIDITY: UKRAINE'S REGIME TRANSFORMATIONS AFTER THE 2014 REVOLUTION

Yu.V. Matsiyevsky¹

¹National University of Ostroh Academy. Ostroh, Ukraine

MATSIYEVSKY Yuriy Vladimirovich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of Political Science, National University of Ostroh Academy, Ukraine. Email: yurii.matsiyevskiy@oa.edu.ua

Matsiyevsky Yu.V. Trapped in Hybridity: Ukraine's Regime Transformations after the 2014 Revolution. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 1. P. 96–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.07>

Acknowledgement. The final part of the work on this paper has been completed at the Aleksanteri Institute of Helsinki University in November–December 2017. The author is grateful to the Institute's staff and colleagues for this opportunity.

Received: 02.05.2017. Accepted: 25.10.2017

Abstract. Has the Ukraine's regime changed since the 2014 revolution? What effects does a revolution have on stability or change of a hybrid regime? To answer these questions the article deals with the changes in formal and informal institutions and the quantitative and qualitative composition of elites after the change of power in 2014. The author argues that despite the quantitative renewal of elites, greater in scope than in the "post-orange period", there has been no qualitative renewal of elites. Meanwhile, the old operational code of elites' political culture, composed of corruption, clientelism and informal deals, still persists. The lack of renewal of elites and the dominance of informal rules over formal procedures are the factors that keep the institutional core of Ukraine's hybrid regime unchanged. Moreover, the case of Ukraine proves that these institutions possess a considerable adaptive capacity. Ineffective institutional equilibrium — institutional trap that evolved in Ukraine in the mid-1990s, demonstrates the ability to persist even under extreme challenges posed by revolution and war. Ukraine will hardly be able to change its trajectory until the qualitative renewal of elites takes place. Elites' rotation and/or quasi-replacement do not produce genuine renewal. Since internal (economic decline and the threat of protests) and external (the war in the East) threats were unable to change the elites' rent-seeking behavior, it can be stated that hybridization, rather than democratization or resurgence of authoritarianism, should be considered a defining trend of the post-revolutionary dynamics in Ukraine.

Keywords: Ukraine; revolution; political regime; regime change; elite change; informal institutions; institutional trap; clientelism.

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Publisher. 2012. 563 p.
- Andersen D., Möller J., Rørbaek L.L., Skaaning S.-E. State Capacity and Political Regime Stability. — *Democratization*. 2014. Vol. 21. No. 7. P. 1305-1325. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.960204>
- Beyond the Euromaidan: *Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Ed. by H. Hale. R. Ortung. Stanford: Stanford University Press. 2016. 322 p.
- D'Anieri P. *Understanding Ukrainian Politics: Power, Politics, and Institutional Design*. New York: M.E. Sharpe; Routledge. 2007. 312 p.
- Diuk N. Euromaidan: Ukraine's Self-Organizing Revolution. — *World Affairs*. 2014. Vol. 176. No. 2. P. 9-16.
- Fishman R.M. Rethinking State and Regime: Southern Europe's Transition to Democracy. — *World Politics*. 1990. Vol. 42. No. 3. P. 422-440.
- Fisun A. *Demokratiya, neopatrimonializm i global'nye transformatsii* [Democracy, Neo-Patrimonialism and Global Transformations]. Khar'kov: Konstanta. 352 p. (In Russ.)
- Gandhi J. Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats. — *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. No. 11. P. 1279-1301. <https://doi.org/10.1177/0010414007305817>
- Gelman V.Ya. Out of the Frying Pan into the Fire? (Post-Soviet Regime Dynamics in Comparative Perspective). — *Polis. Political Studies*. 2007. No. 2. P. 81-108 (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.06>
- Gelman V. *Modernizatsiya, instituty i "porochnyi krug" postsovetskogo neopatrimonializma* [Modernization, Institutions and the "Vicious Circle" of Post-Soviet Neo-Patrimonialism]. St. Petersburg: EUSP Press. 2015. 44 p. (In Russ.) URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf
- Hale H.E. Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings. — *Annual Review of Political Science*. 2013. Vol. 16. No. 1. P. 331-353. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-212204>
- Hale H.E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective (Problems of International Politics)*. New York: Cambridge University Press. 2014. 540 p.
- Hale H.E. Constitutional Performance After Communism: Implications for Ukraine. — *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Ed. by H.E. Hale, R.W. Ortung. Stanford: Stanford University Press. 2016. P. 124-142.
- Harasymiw B. *Post-Soviet Ukraine*. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press. 2002. 469 p.
- Higley J., Pakulski J. Elite Power Games and Democratic Consolidation in Central and Eastern Europe (1999). — *Historical Social Research*. 2012. Vol. 37. No. 1. P. 292-319. <http://dx.doi.org/10.12759/hsr.37.2012.1.292-319>
- Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven; London: Yale University Press. 1968. 512 p.
- Kochubei L. *Teoretichne osmislenня politichnikh rezhimiv chasiv nezalezhnoї Ukraїni* [Theoretical Interpretation of Political Regimes of Independent Times of Ukraine]. — *Politichna nauka v Ukraїni 1991-2016* [Political Science in Ukraine. 1991-2016: in 2 vol. Vol. 2. Theoretical and Methodological Foundations and Conceptual Results of National Studies. Ed. by O. Rafalsky, M. Karmazina, O. Mayboroda]. In 2 vol. Vol. 2. Kiev: Parlaments'ke vidavnistvo. P. 442-451. (In Ukrainian).
- Kolodii A. On the Question of the Political Regime in Ukraine. — *Suchasnist'*. 1999. No. 7-8. P. 84-96. (In Ukrainian).
- Konończuk W. Oligarchs After The Maidan: The Old System In A "New" Ukraine. — *OSW Commentary*. No. 162. 16.02.2015. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/commentary_162_0.pdf (accessed 18.11.2017).
- Kuzio T. *Ukraine: Democratization, Corruption, and the New Russian Imperialism*. Santa Barbara: Praeger. 2015. 611 p.
- Kuzio T. Oligarchs, the Partial Reforms Equilibrium, and the Euromaidan Revolution. — *Beyond the Euromaidan: Comparative Perspectives on Advancing Reform in Ukraine*. Ed. by H.E. Hale, R.W. Ortung. Stanford: Stanford University Press. 2016. P. 181-203.
- Levitsky S., Way L.A. *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War*. New York: Cambridge University Press. 2010. 536 p.
- Lust-Okar E. Divided They Rule: The Management and Manipulation of Political Opposition. — *Comparative Politics*. 2004. Vol. 36. No. 2. P. 159-179. <http://dx.doi.org/10.2307/4150141>
- Matsiyevsky Yu. Involution of Constitutionalism and Quasi-authoritarian Regime in Ukraine). — *Vibor ta demokratiya*. 2011. No. 3. P. 49-56. (In Ukrainian).

Matsiyevsky Yu. U pastci gibrydnosti: zyg'zag'y transformacij politychnogo rezhymu v Ukraïni (1991–2014) [The Trap of Hybridity: Zigzags of the Transformation of the Political Regime in Ukraine (1991–2014)]. Чернівці: Книги – XXI. 2016. 552 с. (In Ukrainian). URL: http://www.ipiend.gov.ua/uploads/dissertations/Matsievskiy/matsievskiy_dyser.pdf

Matsiyevsky Yu., Kulyk K.V. Verhovna Rada VIII sklykannja: chy vidbulosja jakisne onovlennja? [Verkhovna Rada of the VIII Convocation: Did a Qualitative Upgrade Take Place?]. Ostrog: Centr politychnyh doslidzhen' Nacional'nogo universytetu "Ostroz'ka akademija". 2017. 9 p. (In Ukrainian). URL: http://cpr.ua.edu.ua/wp-content/uploads/2017/09/Ukraines-parliament-of-VIII-convocation_2017.pdf (accessed 07.12.2017)

Melville A., Mironyuk M. "Bad Enough Governance": State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. 2016. No. 2. P. 132–151. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1052215>

Menon R., Rumer E.B. *Conflict in Ukraine: The Unwinding of the Post-Cold War Order*. Cambridge: The MIT Press. 2015. 248 p.

Mesquita B. Regime Change and Revolutionary Entrepreneurs. — *The American Political Science Review*. Vol. 104. 2010. No. 3. P. 446–466. <https://doi.org/10.1017/S0003055410000274>

Miller M.K. Democratic Pieces: Autocratic Elections and Democratic Development since 1815. — *British Journal of Political Science*. Vol. 45. 2015. No. 3. P. 501–530. <https://doi.org/10.1017/S0007123413000446>

Møller J. *State Formation, Regime Change, and Economic Development*. Abingdon; New York: Routledge. 2017. 282 p.

Munck G.L. Disaggregating Political Regime: Conceptual Issues in the Study of Democratization. — *The Hellen Kellogg Institute for International Studies. Working Paper No 228*. 1996. 42 p. URL: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/228.pdf> (accessed 15.11.2017).

Nort D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. (Russ. ed.: Nort D., Wallis J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye porjadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Institut Gaydara Publ. 2011. 480 p.)

O'Donnell G., Schmitter Ph.C. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 1986. 120 p.

Onuch O. Maidans Past and Present: Comparing the Orange Revolution and the Euromaidan. — *Ukraine's Euromaidan. Analysis of a Civil Revolution*. Ed. by D.R. Marples, F.V. Mills. Stuttgart: Ibidem-Verlag. 2015. P. 27–56.

Pleines H. Oligarchs and Politics in Ukraine. — *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 24. 2016. No. 1. P. 105–127.

Polterovich V.M. Institutional Traps: Is There a Way Out? — *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. P. 5–16. (In Russ.) URL: https://www.researchgate.net/publication/43126432_Institucionalnye_lovuski_est_li_vyhod (accessed 07.12.2017).

Popova M. Why the Orange Revolution Was Short and Peaceful and Euromaidan Long and Violent. — *Problems of Post-Communism*. 2014. Vol. 61. No. 6. P. 64–70.

Popular Contention, Regime, and Transition. Arab Revolts in Comparative Global Perspective. Ed. by E.Y. Alimi, A. Sela, M. Sznajder. Oxford: Oxford University Press. 2016. 384 p.

Regime Change: It's Been Done Before. Ed. by Gough R. London: Policy Exchange. Clutha House. 2003. 157 p. URL: <https://www.policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2016/09/regime-change-may-03-1.pdf> (accessed 07.04.2017).

Reich G. Categorizing Political Regimes: New Data for Old Problems. — *Democratization*. 2002. Vol. 9. No. 4. P. 1–24. <https://doi.org/10.1080/714000289>

Revolution and War in Contemporary Ukraine: The Challenge of Change. Ed. by O. Bertelsen. Stuttgart: Ibidem-Verlag. 2017. 440 p.

Rjabchuk M. *Vid "haosu" do "stabil'nosti": hronika avtorytarnoi' konsolidatsii* [From Chaos to "Stability": A Chronicle of Authoritarian Consolidation]. Kiev: K.I.S. 288 p. (In Ukrainian).

Sakwa R. *Frontline Ukraine. Crisis in the Borderlands*. London; New York: I.B. Tauris. 2016. 320 p.

Schedler A. *The Politics of Uncertainty. Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. Oxford: Oxford University Press. 2013. 512 p.

Skaaning S.-E. Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework. — *CDDRL Working Papers*. No. 55. Freeman Spogli Institute for International Studies, Stanford University. 2006. 28 p.

Way L. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2015. 274 p.

Weyland K. The Diffusion of Regime Contention in European Democratization, 1840–1940. — *Comparative Political Studies*. 2010. Vol. 43. No. 8–9. P. 1148–1176. <https://doi.org/10.1177/0010414010370439>

Wilson A. *Ukraine Crisis: What it Means for the West*. Totton, Hampshire: Yale University Press. 2014. 248 p.